

2. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: изд. группа “Прогресс” “Универс”, 1993. – 503 с.

3. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М.: изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116-133.

4. Корниенко, Н.Г. Десять тезисов о понимании / Н.Г. Корниенко // Понимание и рефлексия: материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. – Тверь, ТвГУ, 1992. – Ч. 1. – С. 72-73.

5. Элиаде, М. Ностальгия по истокам / М. Элиаде. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с.

Н.К. Данилова

ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКИ

Самарский государственный университет

Современная наука о языке характеризуется радикальным изменением существующих представлений о том, что такое семантика языковых единиц. Традиционное аристотелевское представление о семантике как о субстанции, качестве языковых форм, уступает представлению о ней как о функции означающей деятельности говорящего субъекта, что придает ей, с одной стороны, свойство релятивности, с другой, свидетельствует о динамичности и операциональности языкового значения. Последнее свойство означает производность семантики от социально ориентированной деятельности участников общения [1: 17]. Способность языкового значения меняться в зависимости от социального контекста объясняется символической природой языковых единиц, наиболее последовательно и полно проявляющейся в так называемых функциональных единицах, местоимениях, о которых пойдет речь в последующем изложении.

Изменение представлений об языковой семантике и о том, как она служит целям общения, связано с успехами когнитивной грамматики, рассматривающей язык как инвентарь символических средств, использование которых предполагает способность к алгоритмизации и решению коммуникативных задач [2: 7]. В отличие от объективистских теорий значения, определяющих значение выражения в зависимости от набора условий, в которых оно истинно, когнитивная грамматика приравнивает значение к “концептуализации” (ментальному опыту). Лингвистическое выражение и грамматические конструкции, согласно этому пониманию, конструируют воображаемую ситуацию, не только внутренние свойства объек-

та, но и то, что мы предпочитаем думать об объекте или ситуации и ментальное отображение ее, интерпретируются как условие означивающей деятельности.

Способность ментального построения ситуации (конструирования) альтернативными способами Р.У. Лангаккер определяет как “образность”, так как в основе этого процесса лежит необходимый для структурирования концептуального содержания образ [2: 11]. Категория образности выделяет два наиболее существенных момента, значимых для функциональной интерпретации семантики. Во-первых, внутренняя организация образа располагается полностью в пространстве субъекта и определена выбранными субъектом речи способами взаимодействия с миром и с партнером по общению. Во-вторых, рождение образа означает появление нового знания, новых концептуализаций, в этом процессе участвуют не только абстрактные и интеллектуальные концепты, но и сенсорные и эмотивные понятия.

Процесс конструирования образа предполагает участие универсальных алгоритмов вербального поведения, к которым следует, по нашему мнению, отнести модусы вербального поведения, позволяющие реализовывать альтернативные способы конструирования одних и тех же объективных обстоятельств. Именно модусы репрезентации в процессе говорения образуют одно из центральных звеньев систем правил, на которых основано порождение и оценка символических значений и операций. Обратимся к определению роли модусов в акте повествования, определяющем условия рефлексивного взаимодействия участников нарративной коммуникации.

Исследование динамики образа предполагает использование комплексных категорий, способных учесть то обстоятельство, что языковое выражение в процессе использования несет в себе информацию, которая, кроме фактов, включает данные о положении говорящего в пространстве и времени в той ситуации, о которой он говорит. Исходя из этого тезиса, Й. Барвайз и Дж. Перри создают теорию ситуаций, центральными понятиями которой становятся способ существования происходящего и “тип событий” (Ereignistyp), структура “ситуации” рассматривается как содержащая объекты, свойства, отношения и пространственно-временные области [3: 65]. Условия, при которых абстрактные модели получают значение, определены, по мнению авторов, контекстом употребления, в котором существенным для понимания становится способность извлечь из одной ситуации информацию для другой, создав тем самым целостное представление о происходящем.

Основным постулатом теории ситуаций, являющейся, по сути, теорией интерпретативной семантики, является признание перспективной относительности языкового значения, проявляющейся в том, как субъект речи побуждает партнеров принять перспективы, ведущие к правильной интерпретации, роль субъекта речи состоит при этом в выборе референциальных

выражений, определяющих эту перспективу. Способность языка в различных контекстах выражать различные факты (*die Effizienz der Sprache*) побуждает авторов различать значение выражения и его интерпретацию в конкретной ситуации высказывания, что влечет за собой необходимость точного определения факторов, изменяющих исходную семантику.

Основными факторами контекста, определяющими интерпретацию, являются дискурсивная ситуация (определенная индивидуальным опытом коммуникантов), отношение говорящего к событиям и “рекурсивная ситуация”. В отличие от референтной ситуации “дискурсивная ситуация” включает такие аспекты высказывания, как говорящий, адресат, место и время высказывания и выражения, входящие в него. Под “рекурсивной ситуацией” понимаются импликации разного рода, позволяющие субъекту речи сообщать дополнительную информацию.

Отношение говорящего проявляется в референции, которая рассматривается как возможность говорить о вещах, располагающихся в “пространстве говорящего”. Реализации этой возможности служат дейктические средства, располагающие реферируемые объекты в различных временных плоскостях. Дискурсивная ситуация определяет использование временных форм и дейксиса, так, в отличие от местоимений первого и второго лица местоимение третьего лица позволяет с помощью языкового выражения обратиться к объектам, которые располагаются вне “поля говорящего”. Смена дискурсивной ситуации или изменение отношения говорящего влечет за собой, таким образом, изменение в интерпретации высказывания.

Обозначенное теорией ситуации направление исследования позволяет уточнить и дополнить представления о характере функционирования дейксиса. Рассмотренные в этом ракурсе дейктические средства проявляют свое дискурсивное предназначение, это языковые знаки с особой операциональной, а именно, топологической функцией. Они представляют структуру ситуации с позиции говорящего, их предназначение состоит в том, чтобы обозначить не столько “положение дел”, сколько коммуникативно-познавательную установку субъекта речи и возможные ее изменения, то, что можно определить как движение модусов репрезентации.

Исследование динамики модусов в конкретном акте повествования (в ракурсе *on-line*) позволяет проследить, как совершается процесс рождения образа и как создается его полнота и объем.

Рассказ Йозефа Рота “*Eine Laune der Natur*” открывается описанием “положения дел”, свидетельствующим о важности вводимой информации, смысл чего становится очевидным позже: (1) *Eine halbe Minute vor Abgang des Zuges sprang er ins Coupe, ein großkarriertes Plaid über dem Arm* (S.98). Референтная ситуация описана из перспективы наблюдателя, взору которого предстает целостная и завершенная картина, не искаженная личностным видением субъекта речи. В отличие от коммуникативной перспективы

говорящего выбранная для повествования перспектива наблюдателя организует пропозициональную структуру изложения через “изменение”, совершающееся в объективно данной последовательности событий: (2) Im Nu veränderte sich die ganze Welt, das heißt das Abteil. Bis zum Eintritt des Fremden war es nur ein Eisenbahnabteil gewesen, erster Klasse zwar, aber ein Eisenbahnabteil.

Последующее изложение демонстрирует изменение соотношения между пропозициональной и модусной организацией изложения: (3) Als aber mein Reisegeosse sich setzte, begann sein Glanz auch auf mich überzuströmen, und ich adelte mich in seiner Vornehmheit (S.99). Коммуникативная перспектива субъекта речи совмещена в высказывании с позицией субъекта восприятия, меняющего суждение под влиянием описываемых событий. Переход от модуса наблюдателя (напомним, что речь идет о системном видении событий) к модусу непосредственного восприятия позволяет создать картину восприятия, включающую множество точных деталей: (4) Über die linke Brusttasche hing ein charmanter Zipfel eines verwöhnten Taschentuchs, weiß, mit violettem Rand. Auf dem Boden die gelben Schuhe schienen die Geschwister des Koffers über dem Kopf zu sein. Положение пространственных предлогов выдает положение субъекта восприятия в “перцептуальном пространстве говорящего”.

Изменение перцептивного модуса на эпистемический прослеживается в завершающей секвенции рассказа : Es dauerte lange, bis ich ihn wiedersah. Endlich kam er, und nun erkannte ich ihn. Rasiert, duftend, mit wiederfunktionierenden Hemmungen, renovierten Ventilen stand er vor, genau wir gestern abend. Sein Auge blickte kalt, grau, lächelnd einem baldigen Ziel entgegen, einem siegreichen Tag, einem mondänen Leben und wer weiß, welchen Abenteuern... (S. 101). Введение модификатора wer weiß, снижающего степень достоверности и обозначающего неуверенное предположение, перемещает изложение в плоскость предположений и логического вывода.

Подводя некоторые итоги, можно утверждать, что динамика образа создается изменением коммуникативно-познавательных установок субъекта речи, что находит выражение в смене перспектив изложения, коммуникативных (наблюдатель – говорящий) и когнитивных (субъект восприятия – субъект рефлексии). Оформление перспектив совершается в процессе определения пропозициональных и модусных характеристик высказывания. Личные местоимения демонстрируют при этом способность наполняться смыслом в зависимости от целей коммуникативной деятельности и ее внутренней организации.

Библиографический список

1. Мауро, Т., де. Введение в лингвистику / Т. Мауро. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000 – 240 с.
2. Лангаккер, Р.У. Когнитивная грамматика / Р.У. Лангаккер. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 56 с.
3. Bawise, J. Situationen und Einstellungen. Grundlagen der Situationssemantik / J. Bawise, J. Perry. – Berlin – New York: Walter der Gruyter, 1987. – 430 S.
4. Roth, J. Eine Laune der Natur / J. Roth // Heiteres Darüberstehen. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1990. – S. 98-101.

Т.С. Нифанова

**О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ФРАГМЕНТОВ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
(на материале русского, английского и французского языков)**

*Северодвинский филиал Поморского государственного
университета имени М.В. Ломоносова*

Лексическая семантика представляет собой систему, которая фиксирует и интерпретирует различные типы знаний. Наряду с областью явлений, раскрытой и объясненной новым естествознанием, в языке бытуют представления ребенка, первобытного человека, а также поэта. Одной из закономерностей художественного мышления является стремление к разному осмыслению мира.

Образ является важнейшей для художественного текста категорией и подробно описывается в литературоведении. В последние годы возобладала точка зрения, в соответствии с которой образ может быть объектом и моделью не только литературоведческого, но и лингвистического семасиологического анализа. При этом образ предстает “как результат отражения реалии в языке и сознании и как единица лексико-семантической системы. В лексико-семантическом аспекте он представляет собой единицу, аккумулирующую разнообразные признаки реалии ... и во всем разнообразии этих признаков эксплицирующуюся соответствующими лексическими средствами” [5: 372].

Каждое литературное произведение воплощает частный вариант концептуализации мира. Однако неповторимое – это лишь одна сторона индивидуального творчества. Другая сторона – это повторяющееся, типичное в произведениях искусства. Парадоксально, но при исследовании языка художественной литературы на первом плане оказываются не авторские находки, а те общие закономерности, которые проявляются в данное вре-